

Судья, оправдавший одесситов, совершил акт мужества

Об этом эфире заявил народный депутат Украины нескольких созывов Владимир Олейник заслуженный юрист Украины и бывший глава Черкасского суда.

«Это мужественное решение судей. На суд оказывалось неимоверное давление. Десятки судей просто отказывались рассматривать это дело. В ноябре 2015 года Малиновский районный суд рассматривал это дело и освободил подсудимого от ареста. Тут же зашли боевики и заставили судей писать заявления на увольнение», — сказал Олейник.

По его словам, судебная система на Украине полностью разрушена.

«По всей Украине 3 тысячи судебных вакансий. В 80 районных судах вообще нет судей. Судьи не хотят защищать людей, потому что их не защищает закон», — сказал Олейник.

Кроме того Украинские военные тоже начинают понимать, что Порошенко уйдет, а отвечать им. «Почему? Потому что их заставляют в устном порядке: готовьтесь к войне. Боеприпасов нет, настроение в армии шалтай-болтай. Генерал Никитенко показал свой норков», — сказал Олейник.

Нардеп имел в виду скандальный случай, когда генерал-майор ВСУ Петр Никитенко без всякой оглядки на политику назвал националистов из батальона «Донбасс» мародерами. Слова же самого Олейника куда более обтекаемы — в частности он говорит о проблеме с правовым обеспечением украинской армии. Ведь даже по законам Незалежной война на Донбассе — преступление.

«В АТО нельзя применять вооруженные силы в столкновениях, только для охраны. Военные понимают: Порошенко сбежит, а им отвечать за тяжкие преступления против собственного народа. А у Порошенко нет выхода. Война — это не решение его проблемы, а продление срока пребывания у власти», — сказал политик.

Интервью SPIEGEL с бывшим спецагентом АНБ Эдвардом Сноуденом — беседа о его жизни после утечки информации

Путь к Сноудену — достаточно долгий. Для издания SPIEGEL он начался более года назад с нескольких бесед с его адвокатами в Нью-Йорке и Берлине, а закончился в прошлую среду в номере московского отеля с видом на Красную площадь.

Где-то в российской столице живет 34-летний бывший сотрудник спецслужб США Сноуден, который летом 2013 года разоблачил действующую по всему миру систему слежки американского агентства национальной безопасности (АНБ). С тех пор он — враг государства для США, икона для защитников прав и свобод и человек в бегах.

— Новый глава ЦРУ Майк Помпео (Mike Pompeo) обвинил площадку WikiLeaks, адвокаты которой вам помогали, в том, что она является инструментом русских. Это вредит вашему имиджу?

— Сначала мы должны честно установить, в чем заключаются упреки. Ни правительство США, ни спецслужбы не утверждают, что основатель Джулиан Ассанж (Julian Assange) или WikiLeaks работают непосредственно на русских. Скорее, заявляется о том, что они инструмент для отмывания украденных русскими документов. Но я не вижу, каким образом это может меня касаться, я не сотрудник WikiLeaks, и в происхождении моих документов нет никаких сомнений.

— В настоящее время есть другой американец, которому приписывают тесные отношения с Россией.

— О (смеется)

— Ваш президент. Он — ваш президент?

— Мне тяжело представить, что половина американских избирателей считают Дональда Трампа лучшим среди нас. И я боюсь, что у всех у нас с этим будут проблемы в течение следующих десятилетий.

— Возможно, он поможет вам в вашем деле и навредит спецслужбам США, непреднамеренно. — Я не верю, что президент один действительно сможет навредить спецслужбам. Они слишком

широко представлены в конгрессе, в СМИ, в предприятиях культуры, в Голливуде. Некоторые называют это «глубоким государством». У До-

меньше любит свои спецслужбы и шпионаж. Тем не менее следственная комиссия по расследованию сотрудничества с АНБ не слишком

нальда Трампа нет ничего общего с «глубоким государством», Дональд Трамп понятия не имеет, что такое «глубокое государство». Речь идет о касте государственных служащих, которые переживут любого президента.

— Это звучит в духе теории заговора.

— Я хотел бы, чтобы так и было. Взгляните на Барака Обаму, в нем люди увидели честного человека, который хотел закрыть тюрьму в Гуантанамо, остановить массовую слежку, разобраться с преступлениями эпохи Буша и сделать много других вещей. А в течение первых 100 дней в должности он взял свои обещания назад с таким обоснованием: мы сможем вперед, а не оглядываемся. «Глубокое государство» не может выбирать президентов, но может влиять на них теми же средствами, что и на нас всех.

— Какими средствами? — Страхом. Почему все эти антитеррористические законы постоянно проталкиваются без какой-либо разумной дискуссии? Почему у нас нескончаемое чрезвычайное положение даже в таких либеральных государствах, как Франция? Эту же динамику можно наблюдать и в Германии, которая из-за своей истории намного

глубоко копала на тему массовой слежки. Правительственные партии вели себя так, как будто обвинение нельзя было доказать, хотя доказательства невозможно было игнорировать. Они предпочитали ничего от меня не слышать. Все это показывает, насколько эффективно спецслужбы могли отстаивать свои интересы. Они создали новую политику страха. Наверняка, они делают это не со зла, но когда кто-то действует против их убеждений, они кормят прессу и общественность всеми этими опасностями, которые нам угрожают, и, таким образом, мы, как общество, подвергаемся террору.

— Но террористическая угроза все-таки реальна.

— Конечно. Терроризм — реальная проблема, но число его жертв за пределами таких военных зон, как Ирак и Афганистан, намного меньше, чем в результате дорожно-транспортных происшествий или инфарктов. Даже если бы 11 сентября 2001 года повторялось в США ежегодно, от терроризма погибло бы меньше людей, чем от остальных происшествий.

— Это нельзя сравнивать.

— Я только хочу сказать, что терроризм яв-

ляется идеальным примером системы страха. Спецслужбы воспользовались им, чтобы придать новую динамику массовой слежке. Самое трагичное в этом то, что страх перед террором тем временем подпитывает себя сам. Он привел нас туда, где мы сейчас.

ность, я не знаю. Но обвинения против меня, о которых вы говорили, с каждым годом слышны все реже. Это значит, что даже я могу надеяться.

— Как именно выглядит ваш статус в России в настоящее время?

— У меня вид на жительство, похожий на грин-карту в США. Но это — не убежище, и каждые три года все заново пересматривается. Нет никаких гарантий. Я критично высказался о российском правительстве в Twitter и где-то еще, это, пожалуй, принесло мне не только друзей. Меня по этому поводу не беспокоили, но я понятия не имею, останется ли это так и в будущем.

— В документальном фильме «Citizenfour. Правда Сноудена» о вашей истории была милая сцена, в которой вы готовите еду вместе с подругой. Вашу жизнь нужно представлять именно так?

— Она по-прежнему со мной, да.

— Как вы проводите свое время?

— Я много путешествую, недавно был в Санкт-Петербурге, периодически меня навещает моя семья.

— Как вы справляетесь с финансовыми трудностями?

— Я читаю лекции, в основном в университетах США по видео. Кроме того, я безвозмездно работаю на американский фонд Freedom of the press.

— Пожалуй, тема слежки вас никогда не отпустит.

— Моя жизнь — в технологиях. Я инженер, а не политик. Лекции и интервью, такие, как это, для меня утомительны. Моя зона комфорта находится в другом месте. — Вы боитесь того момента, когда всеобщее внимание к вам начнет ослабевать?

— Я? Я буду им наслаждаться!

Мартин Кноббе (Martin Knobbe), Йорг Шиндлер (Jürg Schindler)